

ДОГОВОРЫ СМЕШАННОГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ

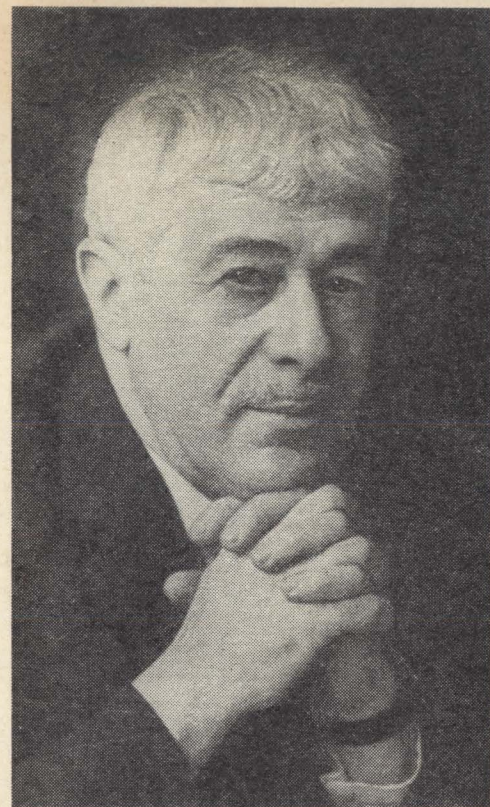
заключаются с гражданами СССР в возрасте от 16 до 65 лет на срок 5, 10, 15 или 20 лет, но не далее достижения ими 70-летнего возраста, на различные страховые суммы.

● СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ обеспечивает застрахованным получение страховой суммы при постоянной утрате общей трудоспособности от несчастного случая, происшедшего на производстве или в быту. Полная страховая сумма выплачивается по окончании срока страхования, независимо от выплат страховых сумм в период действия договора.

● ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ СТРАХОВЫЕ ВЗНОСЫ можно уплачивать как наличными деньгами, так и путем безналичного расчета через бухгалтерию по месту работы застрахованного.

Ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно в инспекции или у агента Госстраха.

ГОССТРАХ РСФСР

Семен КИРСАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ДЕЛЬФИНИАДА

Семен КИРСАНОВ

ДЕЛЬФИНИАДА

Драматическая поэма

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1972

Семен Исаакович Кирсанов
ДЕЛЬФИНИАДА

Редактор — П. А. КРАВЧЕНКО.

Технический редактор Я М. Борисов.

Сдано в набор 6/X 1972 г. А 00772. Подписано к печати 28/XII 1972 г.
Формат 70×108¹/₃₂. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,60 учетно-изд. л.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 2758. Заказ № 3597.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

ДИСК ПЕРВЫЙ

Спасаясь от земных обид,
я греб один в открытом море
без маяка на кругозоре,
далеким берегом забыт.

Под днищем злобная вода
скрипела, с лодкою в раздоре.
Нуждаясь в дружбе и опоре,
я был один, как никогда.

Тень опускалась на Тамань,
сизели тучи на Босфоре,
и солнце, как окно в соборе,
чуть багровело сквозь туман.

Над темным морем наконец
явились звезды в полном сборе,
но в узком тусклом коридоре
никем не виден был гребец.

Затем последний свет исчез,
и я, гребя, почувал вскоре,
что, кроме волн, катило море
тела таинственных существ.

Я вспомнил челюсти акул
и упрекнул себя во вздоре —
их не бывает в этом море, —
но все же голову пригнул.

А твари, черные, как ночь,
шли, как отряд в ночном дозоре,
и в их свистящем разговоре
мне слышалось: спасти... помочь...

И гребни их блестящих спин
мелькали в соляном растворе,
и я, несясь в их резвой своре,
вдруг осознал, что не один.

И это верно — не грозя,
но дружелюбно роя море,
с фонтанов, мифов, аллегорий
они явились, как друзья.

Их рыла вырывались вверх
и в любопытстве и в задоре —
понять в моем бесцельном взоре:
о чем он мыслит, человек?

Быть может, сбился он с пути,
покинув теплое предгорье,
или, вкусив беду и горе,
он от людей решил уйти?

И повлекли они меня,
о чем-то дружественно споря,
домой сквозь мрак ночного моря,
на свет маячного огня.

— Мы не люди,
мы не рыбы,
мы — дельфины,
мы детали
позолоченной лепнины,
среди образов орлиных,
среди львиных
украшаем ваши кресла
мы — дельфины.

С nereидами,
с людьми до половины,
в резвой свите Посейдона
мы — дельфины,
на стене Палаццо Дожей
и поныне
нами правят
обнаженные богини.

кто вынослив,
кто стремителен,
кто скор?!

Братья люди,
вы любимы, вы невинны,
вы не знаете,
откуда мы —
дельфины,
кем мы были до потопа,
кем мы стали,
превращенные в ныряющие стаи.
И не мы ли

Ариона
с его лирой
из Сицилии
на родину возили,
и не мы ли на хребтах,
поднявши рыла,
древнегреческого мальчика
носили?

Когда волны штормовые
вам грозили,
слыша вопли пароходов,
мы, дельфины,
как спасательные лодки из резины,
к утопающим
на выручку
скользили.

Объясните ж,
для чего и почему
вы нас бьете
топорами по челу
и в тельняшках
молодые моряки
с якорями и сердцами
вдоль руки

ищут
сзади рулевого колеса
наши пасти
улыбающиеся,
чтоб ударить из берданки
и попасть

просто так —
                                в непонимающую пасть?
Пусть вы были б
                                хоть смертельно голодны!
Но дельфины
                                вам и в пищу не годны!

ДИСК ВТОРОЙ

А может быть, они записывают свои предания на холодных лентах летних течений Черного моря? И через Босфор переправляют их в Мраморное? Или складывают свои записи в темных подводных яминах? Или высекают их хвостами на отполированных скрижалях морских камней и читают их детям через увеличительные стекла медуз?

В детстве, загорелый и голый, я подражал им, кувыркаясь в кудрявых черноморских волнах, и нырял, воображая себя дельфином. Иногда они подплывали ко мне и что-то дружески насвистывали. Потом, удивляясь моей непонятливости, удалялись, издали оборачиваясь на меня. Но я улавливал некий смысл в их свисте...

Теперь это стало несколько проще. Каждое воскресенье я разговариваю с ними в бассейне через электронного переводчика. По-русски и по-дельфински их речь записана на звучные черные диски. У них своя книга Бытия, свое сказание о потопе...

Среди толпы
                                блестящих спин
играет с сыном
                                мать-дельфин,
то погружаясь,
                                то взлетая,
изогнуто,
                                как запятая.
Как тень
                                когда-то стройных ног,
хвоста раздвоенный клинок.
Бело, как чайка,
                                ее лоно,
спина
                                из черного нейлона,
напоминают плавники
движенья
                                некогда руки.

Мчись,
ныряй
вниз,
вниз
(Йярын,
сьичм
зинв,
зинв)!

Они спускаются
под волны,
в мир безопасный,
мир подводный,
ежей,
кораллов пестрый сад,
где спруты
люстрами висят,
где рыбы
с красными усами.
без батареек
светят сами,
на дно,
в убежища свои
в полупрозрачные слои.
Но там
нет воздуха, нет неба,
нет солнца, нет дождя, нет снега,
и хочется наверх —
домой,
спешить
за вспененной кормой.

Мы — дельфины —
опускаемся в глубины,
огибаем
невзорвавшиеся мины,
якоря,
уже рябые от ракушек,
доски палуб,
почерневших и распухших.
Нас подводные
встречают острова,

— Наших мучеников
и отплытия, дни, и жития,
и с акулами и стран открытия,
сохранили кровавые бои
полушария мои.
Наши библии, записанные в них,
долговечнее пергаментов и книг,
и глубокие извилин письма
в память к сыну переходят из меня.
Я, как Ева
вашей книги Бытия,
девять месяцев
ношу свое дитя,
и как Авеля,
но с черным плавником,
я кормлю его
соленым молоком,
и неписаную библию свою
в плоть из плоти
я ему передаю:

«Вначале пошел лед,
и стали тонуть звери,
и треснул земной свод,

покинул нору крот,
покрылся водой берег.
Мы стали вязать плот.

В потоке тонул слон,
и мертвые львы плыли,
и гром заглушил стон.

Затопленные холмы
исчезли в речном иле,
и в море ушли мы...»

ДИСК ТРЕТИЙ

Уже светало. Чуть рябя,
дышало море сонной грудью,
как будто радуясь безлюдью
без берегов, без корабля.

Я молча двигался, гребя
к скале, стоявшей одиноко,
надел я выпуклое око
и два баллона на себя

и погрузился в те края,
где в слой песчаный затянуло
корсаров пушечные дула,
обломки мачт и якоря.

Размахивая своими лягушечьими ногами в резиновых ластах, я достиг подножия скалы. Вокруг нее на подводных камнях расположилось все племя дельфинов с запасом воздуха на время действия. Здесь в день весеннего равноденствия ставилась их мистерия, книга их Бытия. Подножие скалы — затопленный наводнением остров в дельте реки, где древле жили предки дельфинов, люди. Время действия — всемирный потоп. Место действия — плот, на котором они спасаются от потопа в разлившейся дельте. Лица — вожак племени Амад, жена его Аве, сыновья Инак и Ваель, их жены, дети.

А м а д

До верхней тверди Дельта поднялась.
Ни берегов, ни быстрой середины.
А с севера, где буря поднялась,
плывут, переворачиваясь, льдины
и, оплывая, тают подле нас.
На них волчата, кролики, кроты —
ища спасенья, суши, теплоты.

Вот так и наши слабые плоты,
скрипят их ненадежные крепления,
на них мое встревоженное племя,
в корзинах наспех снятые плоды,
горшки, где племенные наши клейма,
и кучи сена — жалкие постели,
и топоры, какие взять успели...

Еще вчера на острове моем
костры полупогашенные тлели.
Внезапно я почувствовал, что дом
захлестнут разрушительным дождем,
что молнии змеятся между елей.
Я выбежал. По Дельте шла вода
с обломками сверкающего льда.

Я понял — э т о движется сюда,
и поднял всех — в мешки бросайте хлебы!
И вверх взглянул, ища — укрыться где бы?
Но с севера шли мутные стада
угрюмых туч, и вот не стало неба,
и ливень смысл строения мои
и крова не оставил для семьи.

По грудь в воде плоты вязали мы,
нагих детей искали жены с воплем.
К утру наш остров был полузатоплен.
Свой скарб мы потащили на холмы,
об очаге скорбя, о ложе теплом.
Потом холмов не стало. Нас бросало
на трех плотях на ледяное сало.

Унялся ливень. Жены спят устало.
Лишь сыновья дежурят на плотях.
Я их веду. Водой весь мир устало.
Над нами крики бесприютных птах.
Где гнезда их? Куда их гонит страх?
И нас куда?.. Но юг как будто светел.
Мне кажется, нас к морю гонит ветер.

Эй, сыновья! Инак, Ваель, пора!
По два весла в уключины проденьте!
Лавины льдин идут на нас по Дельте,
грозящая приблизилась гора.
Не выпускайте из руки багра,
отталкивайте льдины, ибо вскоре
погибнем, если не пробьемся в море.

И н а к

Отец, пробьемся!
Гребу сквозь лед.

Ваель, не бойся,
веди свой плот.
Среди разводий
есть к морю путь!

Ва е л ь

На небосводе
клубится муть.
Глаза туманят
льды и ливни.
На льдине мамонт
свесил бивни.
Плывут слоны
и, словно дремля,
за ними львы.
Инак, взгляни:
они мертвы?

И н а к

Смотреть не время —
нас отнесло,
левой весло!

Ва е л ь

На льдине тигр
кинжалозубый,
он тих и мертв.
Как ряд могил,
поплыли зубры,
свисает ил
с их черных морд...

И н а к

Ваель, очнись,
проснись, Ваель,
нас сносит вниз,
держись левой.
Багром по глыбе —
иначе гибель!

Ва е л ь

Вот — человек,
покрытый шкурой,
зарылся в снег.
За ним — медведь
космато-бурый,
в глазницах смерть.
Отец, ответь,
что с ними было?
Что их убило?

А м а д (думая)

Догадываюсь: сверху ледники
оттаяли. Их солнцем растопило.
И в водопады слились родники,
и вздулись воды северной реки,
а небо испарения скопило,
отяжелело и потоком вниз
обрушилось на гибнущую жизнь.
Я слышу струй неумолимый топот
о грудь равнин, они весь мир затопят,
и только гор гранитная гряда
останется свободна и горда...
Итак, Ваель, гребите мимо льда,
нас гонит в море бурная вода.

И н а к

Вал водяной
идет горой,
он ледяной
покрыт корой.
Ваель, за мной!

Ва е л ь

Плот накренило...

И н а к

Держи кормило!

А м а д

Скорей, Инак, сближайся с младшим братом,
сцепись багром, свяжись канатом,
уже мы в море, вижу мель...

И н а к

Упал Ваель,
сбит водопадом,
иду за братом!

А д а

Инак, вернись!
Им нет возврата...

И н а к

Ныряю! Вниз!

Ц и н н а

Погибнут оба,
и нам конец...

А м а д

Рычит воды голодная утроба,
но я в Инака верю — он пловец,
рыб и жемчужин розовых ловец.
Ваель моложе, вырос он особо,
свирелью нежной пестуя овец.
Погибнут оба? Нет, спасутся оба.
Инак себе не скажет самому:
«Я разве сторож брату своему?»
Утихло все. Ни ветерка, ни рева.
Ни первого не вижу, ни второго.

А д а

Кровь на волне,
о, горе мне!

А м а д

Кровь на волне? Откуда эта кровь?
Всплывает тело... Нет, всплыла акула,
вот брюхом вверх ее перевернуло
распоротым. След от нее багров.
Вот и Инак, и кровь течет по скулам,
в зубах зажато лезвие ножа,
плывет, Ваеля за руку держа.
Мы спасены, и живы оба брата.
Ко мне, Инак! Лови конец каната!

А в е

В спокойном устье медленной реки
мы жили мирно, и детей растили.
и клювы лебединые носили,
и прикрепляли к спинам плавники.
Себя мы звали дельфами, и были
глаза у нас, как небо, голубыми.
Кто создал нас? Кто породил — не помню,
я только помню луговую пойму
и помню место среди плавней, где
меня нашел в корзинке на воде
Амад. И я росла в его пещере,
где шкуры зверьи были мне постелью.
А сколько птиц на островах реки —
фламинго, чайки, цапли, кулики,
клювасты, длинноноги и пестры.
А под водой сновали осетры.
Сначала мы плели свои шатры
из камыша. Потом Амад из гор
добыл руду и выковал топор,
срубил стволы, и погрузил их в ямы,
и теплый дом поставил с сыновьями.
Нас много стало. Он совсем седой.
Теперь наш дом и остров под водой,
но есть Амад и уцелели дети,

плотами смело правят сыновья...
Но никогда нам не вернуться к Дельте...

И н а к

О, если б сети!
Вот стаей сельди,
вот скумбрия,
вот жирный жерех!

В а е л ь

Вдали залив,
я вижу берег.
Листвой олив
покрыты мысы.
Там кипарисы,
луга, стада!
Скорей — туда,
там даже лучше!

А м а д

Но сзади тучи.
Они не остановятся нигде
и ринутся неудержимым ливнем
на этот берег. В бешеной воде,
куда бы ни пристали, мы погибнем.
Одно для нас спасение — в труде.
Взять топоры с собой мы не забыли,
и там деревьев стройных изобилье!
Ковчег построим, и пускай дождем
нас заливают — с ясною надеждой
всплывем на пик вершины белоснежной
и наводнение мира переждем.

ДИСК ЧЕТВЕРТЫЙ

Я вновь нырнул в урочный час,
держа приборы, в акваланге,
с двумя баллонами как ангел,
сложивший крылья на плечах.

Иллюминировано дно
несметными радиоляриями,
и здесь, в естественном аквариуме,
вновь представление дано.
Как рампа, светится планктон
и освещает место действия,
и окунь машет, чародействуя,
хвостом, как розовым платком.
Камнями плоскими лежат
зелено-каменные камбалы,
глазкой подводного ежа
следят за скатами и крабами.
И из расщелин потайных
полипы вытянули трубки,
и мылят греческие губки
медуз, висящих среди них.
Я узнаю своих друзей
среди туманных возвышений,
и дно похоже на музей
старинных кораблекрушений.
Здесь ружья некому держать,
теперь, как призраки минувшего,
обломки судна затонувшего
должны ковчег изображать.

А м а д

Мозолями покрылись наши руки,
всем племенем мы строили ковчег,
рубили сосны и валили буки,
носили бревна женщины и внуки.
О пастырь Ной, ты добрый человек,
ты дал нам хлеб и кровлю для ночлега
и мне доверил зодчество ковчега.

Ной мне сказал: «Тебя направил бог
как вестника о будущем потопе,
и буря не застанет нас врасплох.
Так мне господь через тебя помог.
Ты человеку обликом подобен.
И если бог позволит, я в свою
приму твою прилежную семью.

Амад, пора в дорогу. Я доволен.
Бревно к бревну надежно прилегло.

Ковчег просторен, четырехуголен,
законопачен, низ его просмóлен.
Благословенье божье помогло.
Столы поставьте, укрепите стойла,
скоту — корыта для кормов и пойла.

Готовьте в путь с пожитками узлы.
Уже с обрывов мчатся водопады,
ища спасенья, змеи приползли,
сбегают в страхе горные козлы,
защиты ищут птицы, звери, гады.
Мы их попарно отведем в ковчег —
и чистых и нечистых, тех и тех».

Так Ной сказал: «Дым жертв приятен богу».
Зарезал он молочного тельца,
чтоб заслужить спокойную дорогу.
И роздал мне и сыновьям по рогу
и пенистого налил багреца.
О добрый пастырь! О богатый сердцем,
я стать готов твоим единоверцем.

И что ни слово — только бог да бог,
кто ж Ною он? Родитель или прадед?
И почему его наш пастырь прячет,
и тот не выйдет даже на порог,
и добротой за службу не оплатит?
Пора к семье! Пора узлы вязать
и не забыть подарки Ною взять.

Н о й

Ложя, подушки и шкуры медвежьи,
слуги, вносите в покои ковчежьи.

Сима, Йафета и Хама — беру.
Тигра и гиппопотама — беру.

Чаши, сосуды и блюда — беру.
Пса, и раба, и верблюда — беру.

Боже, ковчег храни.
Злато и мех храни.
Блюда и чаши,
ценности наши,
боже, от всех храни.

Курицу, утку, фазана — беру.
Волка, орла, обезьяну — беру.

Овна, корову и лошадь — беру.
Жен, и рабынь, и наложниц — беру.

Боже, вола храни.
Льва и орла храни.
Пса и козла,
лань и осла,
боже, от зла храни.

Слуги, на палубу ставьте навес.
Племя Амада — на милость небес!

Богу не надо спасать чужака:
четверть быка и ведро молока,

мера зерна и два меха вина —
полная плата Амаду дана.

Х а м

Моя жена
зла и жирна.
Отец, я вправе
в рабыни Аве
себе добыть!

Н о й

Тому и быть.

С и м

Отец, я Сим,
твой верный сын.
И мне в услужу
Инака Аду
отдай — возьму!

Н о й

Быть по сему.

Й а ф е т

Ее глаза —
как бирюза!
Ваеля Цинну
в подарок сыну
не пожалей.

Н о й

Считай своей!
В Ноево стадо овецек — беру.
Женщин Амада, их вещи — беру.

Кольца, запястья и жемчуг — беру.
Брачные цепи для женщин — беру...

А м а д

Явились мы. И все мое со мной.
Тебе в подарок я принес оленя —
Инак его пронзил своей стрелой.
Ваель поймал цесарок. Пастырь Ной,
мы ожидаем твоего веленья
внести корзины, вещи, наш наряд,
войти в ковчег и плыть на Арарат,

Н о й

Тушу оленя в подарок — беру.
Данных Ваелем цесарок — беру.

Тысячу шкурок козлиных — беру.
вещи в узлах и корзинах — беру.

Аве, и Аду, и Цинну — беру.
Следуйте чинно в ковчег по ковру.

А м а д

Взойдем и мы
за вами следом.

И н а к

Отец, пойми,
ты Ноем предан!
Канаты рубят,
снимают сходни —
они нас губят,
лжецы господни!

В а е л ь

Относят волны
от нас ковчег.
Они довольны:
я слышу смех!

А м а д

Праотец Ной!
Дождь проливной
плечи сечет.

Струи у глаз,
жидкая грязь
в ноги течет.

Вспомни о тех,
кто ради всех
строил ковчег!

Сыплется град,
дети дрожат,
дай им ночлег!.

О, не покинь,
к берегу кинь
длинный канат!

Камни гремят
с горных громад..

Г о л о с А в е

— Горе, Амад!

ДИСК ПЯТЫЙ

Д е т и Д е л ь т ы

Плывем, плывем, плывем весь день,
вода кругом, вода везде,
плывем всю ночь, ложась на спины,
чуть шевелясь, плывем и спим мы,
плывем, с водой желая слиться,
и удлинились наши лица,
за годом год, за веком век —
не стало губ, не стало век,
зато мы получили в дар
владенье эхом — наш радар
и в память вписанные знанья
о днях потопа и изгнания.
Морскую воду стали пить,
семьею были, стаей стали
и скользкой кожей обрастали,
чтобы стремительнее плыть.

Иных не ведая племен,
мы были племенем на Дельте,
теперь плывем, плывем, плывем
мы — полурыбы, полудети.
Все берега отвергли нас,
а если мы ползли на берег,
с людьми увидеться стремясь,
мы слышали одно лишь — бей их!
И кожу обтянула слизь,
плывя всю жизнь, мы неустанны,
срастались ноги, и срослись,
и стали черными хвостами.
Теперь мы быстры и ловки,
плывем, отбрасывая струйки,
срослись, окрепли наши руки
и превратились в плавники.
И все же ищем, ищем сушу,
пологий берег или мыс,
и душу, вложенную в тушу, —
— стремись, —

подталкивает мысль,
приплыть к земле и берегами
пройти, как некогда ногами,
которых нет уже...

А м а д

Мне все трудней держаться на воде.
А сколько лет плыву — не сосчитаю.
Креветки поселились в борode.
Где нахожусь — не различаю. Где?
Куда веду стремительную стаю
своих детей? Все чаще устаю.
Все дальше я от стаи отстаю.

В тот час, сраженный первозданной ложью,
в отчаянье я бросился один
к ковчегу, и приплыл к его подножью,
и, обдирая о крепленья кожу,
я Ноя звал. Но он не выходил.
Хватаясь за подпорки для причала,
я Аве звал. Ничто не отвечало.

Плывя назад, осиротевших я
детей увидел и слышал плач их.
Поток их настигал уже, ревя.
Но повели их в воду сыновья
и, посадив на плечи самых младших,
поплыли вдаль. И плыли много дней,
с водой смирились и привыкли к ней.

А облака прочь уходили с неба.
Освободилось солнце. И вдали
сам Арарат сверкнул в одеждах снега.
А перед ним стоял, как на мели,
огромный куб недвижимого ковчега.
Без парусов и весел, он не мог
на край горы поставить свой порог.

Капризом ветра, прихотью волны
его то приближало, то сносило,
трубили в нетерпении слоны,
визжали звери, птица голосила,
крылом стуча о дерево стены.
Мы издали следили, наблюдая,
как он качался, в воду оседая.

И с палубы к нам обратился Ной:
— Не я — господь послал вам испытанье,
проверил вас и ливнем и волной
и вам внушил последовать за мной.

Вернитесь к нам, живите в нашем стане.
Вот ваши жены — в перлах и парче!
Они вас ждут — спасите свой ковчег.

Да, Аве там недвижная была...
Молчала Ада и рыдала Цинна.
А рядом, словно хищных три орла,
стояли мрачно Ноевых три сына,
глазами пожирая их тела.
Всем племенем мы в глубину нырнули
и, вынырнув, канаты притянули.

И мы впряглись в набухшие канаты
и, бедра натирая до рубцов,
влекли ковчег к вершине Арарата.
Так плут влачит измученный оратай.
На вышке Ной благословлял пловцов.
И, наконец, на выступ среди снега
поставлено подножие ковчега.

И в тот же миг свистящий ливень стрел
пронзительно понесся вслед за нами.
В скопление беззащитных наших тел
железный наконечник полетел...
Так в будущем нас будут гарпунами,
а может быть, безжалостней и злей
разить с высоких палуб кораблей.

И мы ушли в подводные глубины,
спасаясь от беснующихся стрел.
Но стрелы Хама нас не погубили.
Мы видели, как вестник голубиный
с оливковой веткой пролетел.
И мы поплыли. Плыли,плыли,плыли,
ловили рыб, морскую воду пили.

Привыкли дети к пенистой волне,
тела их стали гладкими, как камни,
прохладных устриц приносили мне,
морских ежей, что нежатся на дне.
Их руки заменились плавниками,
и в рыла превратились лица их,
морских детей — наследников моих.

А что им было делать? Ежечасно
их гнали берега и острова.
Где им искать пристанища и счастья?
Им оставалось только превращаться
в полулюдей, в другие существа.
Но для меня они — все те же дети,
людьми когда-то бывшие на Дельте.

Итак, Ваель, я слабну. Я отстану
от вас уже надолго, и навек
я в глубину безвыходную кану.
А вы, пловцы, стремитесь к океану,
но помните, отец ваш — человек,
пронесший вас сквозь ливни и лавины.
Плодитесь, размножайтесь, вы — дельфины!..

Итак

Отец отстал.
Плывя, он стонет,
дышать устал..
Ваель, он тонет!

Ваель

Благая весть —
спасенье есть!
От нас налево
видна галера.
Змеиным носом
несясь вперед,
полсотней весел
она гребет.
Плывем, попросим
нас взять на борт!

Итак

Ваель, опомнись,
нас ждет не помощь —
гребут рабы,
а сверху люди,

чьи лица люты
и смотрят грозно,
пернатой бронзой
накрыты лбы.
В руках — трезубцы.
Для них мы — цель.
Оставь безумство,
ныряй, Ваель!

Ва е л ь

Надувши плотно
свои полотна,
в морскую рябь,
свистя снастями,
под парусами
летит корабль.
На флаге белом
багряный крест.
Помчимся смело,
спасенье есть!

И н а к

Ваель, заройся
в подъем волны.
Не крест, а кости
на нем видны.
Стоят матросы,
в мешочках косы,
они пьяны
и жаждут крови,
и наготове
их гарпуны.

Ва е л ь

Смотри, корабль
плывет двухтрубый,
нам спустят трап,
посадят в шлюпы,
уже с кормы
заметны мы.
Инак, бесспорно,
они нас ждут,

трубой подзорной
они ведут.
О, к пароходу!

И н а к

Ваель, нырни!
Сейчас охоту
начнут они.
Ружьем двустольным
ведут по волнам.
Плыви назад
от хищной травли!
Но поздно — залп!

В а е л ь

Я окровавлен,
прощай. тону...

И н а к

Идет ко дну...
Волну вскопали
куски свинца,
летят, свистят,
в меня, в отца...

Н а к о р а б л е

— Ца-ца́! Попали!

ДИСК ПОСЛЕДНИЙ

Он оттолкнулся от песка,
и на весле повисла тина.
Морская даль была пустынна
и рядом с берегом низка.

Он думал, медленно гребя,
что «человек» звучит не гордо,
когда убийцы зверья морда
идет с обрезом на тебя.

Что значишь ты без трав и птиц
и без любви к пчеле жужжащей,
без журавлей над хвойной чащей,
без милovidных лисьих лиц?

Когда поймешь ты наконец,
врубаясь в мертвые породы,
о человек, венец природы,
что без природы твой венец?

Уже и лодку отнесло
за горизонт, смешались мысли,
и руки сонные повисли,
весло сложивши на весло.

Но далеко от берегов,
где волны дики и пустыnnы,
опять сверкнули эти спины
и треуголки плавников.

* От побережья далеко
опять нашли его дельфины —
опять взмывали на трамплины
гимнасты в угольных трико.

А среди тварей скоростных
сидел гребец в открытой лодке
в расстегнутой косоворотке.
Он, видно, не чужой для них.

Но если б чей-нибудь бинокль
на лодку дальнюю навелся, —
там только сложенные весла
и человек — он одинок...

Но это зрительный обман!
Нет, круг друзей его не бросил.
Он весел и плывет без весел
от Ланжерона на Лиман.

Они несут его ладью,
как свита, черными боками,
а удивленные бакланы
кричат, снижаясь на лету.

И словно звеньями родства
они с гребцом соединились —
так радовались, так резвились
чужие людям существа.

Он перегнулся за корму
и пересвисту их внимает.
Он эти звуки понимает?
Или так кажется ему?

— Мы — дельфины,
мы не люди,
мы не рыбы.

Но понадобиться людям
мы могли бы,
где проливы,
где коралловые рифы,
мы показывать дорогу
помогли бы.

Мы на праздниках,
морские циркачи,
с вами будем
перебрасывать мячи,
наши сборные команды
отстоят

вашу честь
на торжествах олимпиад.
Мы вас тройками по морю
понесем

каруселью
и гигантским колесом
и на спинах,
свои легкие раздув,
повезем
из Севастополя в Гурзуф,
и разведаем

неведомое дно,
где немало Атлантид
погребено.

Если ты нас понимаешь,
поутру
поплывем-ка
вместе
к Дону и Днепру,

и на дельтах
разливающихся рек
к человечеству
верни нас,
человек.

И о людях,
как о ближних, говоря,
мы отправимся
в открытые моря,
будем рыла поворачивать
назад —
в вашу сторону,
откуда не грозят,
где нас ищет
не стрела,
не острога́,
а поэта человеческая строка.

Тьупв, тьупв,
еромв, яатс
(В путь, в путь,
в море, стая)!
Йомрок аз
тхя и нухш
(За кормой
яхт и шхун)!
Унеп титрев
тнив, тнив
(Пену вертит
винт, винт).
К людям, к людям —
мы их любим,
к ним, к ним!
